

© 2016 г.

В.П. МИТРОФАНОВ, А.Н. ШАБАЕВ

АНГЛИЙСКИЕ ФЕРМЕРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века (по материалам расходных книг и дневников)

Фермерство как особый слой сельского населения начал формироваться в период раннего Нового времени в странах Западной Европы. Одной из стран, где оно зародилось, была Англия. Под “фермерским хозяйством” в отечественной историографии понимается ведение сельскохозяйственного производства капиталистическим способом. С экономической точки зрения это подразумевает ведение расширенного товарного производства, получение прибавочного продукта, вложение средств в агрономические улучшения, использование наемного труда и отсутствие личной и поземельной зависимости фермера от феодала.

Вопрос об английском фермерстве первой половины XVII в. не нашел в полной мере освещения в работах отечественных историков-аграрников¹. Лишь В.Ф. Семенов затронул его на материалах ряда маноров графа Пемброка в юго-западных графствах. Он также изучил описи 1631–1632 гг. тех же маноров и описи маноров семейства Монтгомери, что позволило ему выявить некоторые изменения в фермерстве. Историк обратил внимание на снижение количества фермеров из числа дворянства и их пополнение выходцами из торговцев и зажиточных копигольдеров. По его мнению, в первой трети XVII в. фермерство становится распространенным явлением, а его капиталистическое содержание виделось ему в использовании наемной рабочей силы, связи с рынком и т.п. В то же время им отмечены феодальные “родимые пятна”: кое-где сохранялись помочи, продуктовая рента, фэйны, а аренда, как и у крестьян-копигольдеров порой могла исчисляться “жизнями” и т.п.²

В одной из статей В.Ф. Семенова дан частичный анализ хозяйствования беркширского йомена Роберта Лодера в 1610–1620 гг. Ученый пришел к выводу о превалировании земледельческой направленности его хозяйства. Анализируя доходы и расходы фермера, он отметил сохранение некоторых феодальных по своей сути платежей фермера, но которые не были значительными по сравнению с его доходами³.

Митрофанов Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета.

Шабает Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, сотрудник ООО “Научное производственное предприятие ТОМАСТ” (г. Пенза).

¹ *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903, с. 119–124; *Гранат И.* К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии. М., 1908; *Попов-Ленский И.Л.* К вопросу об огораживании общинных земель в Англии первой половины XVII века. – Ученые записки института истории РАНИОН. М., 1929, с. 294–305; *Лавровский В.М.* Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1968.

² *Семенов В.Ф.* Раннее капиталистическое фермерство в Англии в XVI – первой половине XVII вв. – Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965, с. 19, 77–80, 82–84.

³ *Семенов В.Ф.* Из истории раннего капиталистического фермерства в Англии XVII в. (ферма Роберта Лодера по его записям от 1610–1620 гг.). – Ученые записки. № 294. Проблемы экономического и политического развития стран Европы в средние века и античную эпоху. М., 1969, с. 6–23.

Значительный вклад в изучение аграрной истории Англии данного периода и, в частности, фермерства внес С.И. Архангельский. Он тоже привлек материалы фермерского хозяйства, а именно расходную книгу кентского фермера Николаса Тоука за период с 1616 по 1660-е годы, правда, только в части выяснения вопроса об использовании фермером наемного труда и размера заработной платы разных категорий наемных рабочих⁴.

В академических изданиях советского периода вопрос о фермерстве лишь упоминался в общем плане⁵. В начале постсоветского периода аграрная история Англии XVI–XVII вв. была изложена в одной из глав, написанной М.В. Винокуровой для третьего тома “Истории Европы”⁶. Хотя практику хозяйствования фермерства она специально не рассматривала, но ее картина трансформации в аграрной сфере раскрывает обстановку становления этого слоя населения.

В третьем томе “Всемирной истории” М.В. Винокурова, О.В. Дмитриева и Д.Г. Федосов отметили изменения в аграрном строе Англии XVI в., но не акцентировали внимание на становлении фермерства, упомянув лишь рост предпринимательства среди джентри и, отметив, что в стране к середине XVII в. существовали тысячи таких семей джентри⁷.

Изучение нескольких фермерских хозяйств первой половины XVII в. по расходным книгам и дневникам предпринял один из авторов этих строк⁸. Вопрос об английских фермерах второй половины XVI – первой половины XVII в. затронут и другим автором⁹.

В большей мере проблема фермерства исследована в англоязычной историографии. Впервые она была затронута в труде Р. Протеро¹⁰. Процесс генезиса капитализма в аграрной сфере он связывал в том числе с фермерством. Отдельные замечания о фермерах даны Р. Тоуни, который отметил их участие в огораживаниях по соглашению внутри маноров. Историк полагал, что они оказали немалое воздействие на разрушение традиционной системы открытых полей в английской деревне¹¹.

В другой своей известной работе Р. Протеро также рассматривал проблемы развития фермерства¹². Значительным вкладом ученого стало включение в научный оборот новых источников: агрономической поэмы Т. Тюссера, трактата Б. Гуга и расходной книги фермера Г. Беста. Однако автор не исследовал хозяйственную деятельность последнего.

---

⁴ Архангельский С.И. Крестьянское движение в Англии в 40–50-х годах XVII века. М., 1960, с. 1, 32–35.

⁵ Штокмар В.В. Английское крестьянство в XVI–XVIII вв. – История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма, т. III. М., 1986, с. 26, 45–52.

⁶ История Европы, т. 3. М., 1993, с. 40–50.

⁷ Всемирная история, т. 3. М., 2013, с. 193–194.

⁸ Шабаетов А.Н. Из истории хозяйственной жизни английского поместья в первой половине XVII в. (по материалам расходной книги Николаса Тоука) – Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 23. Пенза, 2011, с. 613–616; *его же*. Два типа фермеров-предпринимателей в Англии в начале XVII в. – Там же. № 27. Пенза, 2012, с. 1098–1103; *его же*. Женский и детский труд на английской ферме (на основе изучения расходных книг английских фермеров XVII в.). – Там же, с. 1103–1108.

⁹ Митрофанов В.П. Становление фермерства в Англии (1550–1640 гг.). – Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VII международной научно-теоретической конференции. Минск, 2014, с. 20–22; *его же*. Англоязычные историки о фермерских хозяйствах в позднесредневековой Англии (XVI – середина XVII в.). – Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2(30). Пенза, 2014, с. 5–13; *его же*. Отечественная историография становления фермерства в Англии XVI – середины XVII в. – Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3(31). Пенза, 2014, с. 5–16.

¹⁰ Prothero R.E. The Pioners and Progress of English Farming. London, 1888.

¹¹ Tawney R.H. Agrarian Problem in the Sixteenth Century. London – New York, 1913, p. 147–230.

¹² Prothero R.E. English Farming, Past, and Present. London – New York, 1936, p. 82–102.

Проблема фермерства заняла центральное место в исследованиях другого крупного английского историка Д. Фусселла. Им была опубликована хозяйственная книга беркширского фермера Роберта Лодера¹³.

В 1942 г. была издана работа американской исследовательницы М. Кэмпбелл о йоменах периода Елизаветы и ранних Стюартов, большинство которых занимались фермерством¹⁴. Автор показала их положение в социальной структуре английского общества, домашний быт, благосостояние и, отчасти, хозяйственную активность.

В одной из монографий известного британского историка-аграрника Дж. Терск была дана картина хозяйственной активности крестьян в ряде приходов графства Линкольншир. И хотя фермеры не рассматривались отдельно, но в ней приводятся ценные сведения о размере крестьянских земельных держаний, соотношении выращиваемых на полях культур и т.п.¹⁵ Эти данные позволяют лучше вычлениить фермеров из среды крестьян. Важным вкладом в дальнейшее изучение аграрной истории Англии XVI–XVII вв. стала ее статья по локальной истории “острова Эксхолм” в Линкольншире (возвышенная территория среди болотистых земель), в которой дан анализ аграрной экономики северной части графства¹⁶.

В трудах У.Г. Хоскинса продемонстрирован несколько иной подход к вопросу фермерства, а именно необходимость не только изучения их сельскохозяйственных занятий, но и бытовой стороны жизни¹⁷.

В очередной монографии Дж. Фуссела о фермерских хозяйствах в графстве Чешир были рассмотрены теоретические аспекты хозяйствования фермеров за несколько столетий¹⁸. А в другой своей работе он проанализировал различные аспекты молочного направления в фермерских хозяйствах¹⁹.

В 4-м томе “Аграрной истории Англии и Уэлса” понятие “фермерство” используется в качестве обозначения сельского хозяйства вообще, но на примере нескольких хозяйств из числа джентри и йоменов автор одного из разделов А. Ивритт исследовал организацию работ сельскохозяйственных наемных рабочих и их заработную плату²⁰. В другом разделе о продовольственных рынках он приводит данные о присутствии на них фермеров в качестве поставщиков продуктов²¹.

Продолжателем исследований по истории фермерства стал Э. Кэрридж²². Автор не ограничивался лишь изучением фермерства: как и Р. Тоуни, чьим последователем он являлся, его интересовал более глобальный вопрос – процесс аграрной революции в XVI–XVII вв. Однако трактовка Кэрриджа отличалась от подхода к проблеме Р. Тоуни. Если последний видел суть аграрной революции в разложении старых поземельных отношений, разорении крестьян и формировании капиталистической прослойки из

---

¹³ Robert Loder's farm accounts. 1610–1620. – Camden Society. Publications, v. LIII. London, 1936.

¹⁴ *Campbell M.* The English Yeoman under Elisabeth and the Early Stuarts. New Haven: London, 1942.

¹⁵ *Thirk J.* English Peasantry Farming. The Agrarian History of Lincolnshire from Tudor Recent Times. London, 1957.

¹⁶ *Thirk J.* The Island of Axholme before Vermuyden. – The agricultural history review, v. 1. London, 1953, p. 16–28.

¹⁷ *Hoskins W.G.* The Midland Peasant: The Economic and Social History of a Leicestershire Village. London, 1965.

¹⁸ *Fussell G.E.* The Old English Farming Books from Fitzherbert to Tull, 1523 to 1730. London, 1947.

¹⁹ *Fussell G.E.* The English Diary farmer 1500–1900. London, 1966.

²⁰ *Everitt A.* Farm Labourers. – The Agrarian History of England and Wales, v. IV. 1500–1640. Cambridge, 1967, p. 430–433;

²¹ *Everitt A.* The Marketing of Agricultural Produce. – The Agrarian History of England and Wales, v. IV, p. 490–562.

²² *Kerridge E.* The Farmer of Old England. London, 1973.

джентри-фермеров, то, по мнению Кэрриджа, XVI в., напротив, стал “золотым веком” части английского крестьянства, ставшего на путь фермерства. Он приводит интересный фактический материал о процессе огораживаний, в том числе и внутри маноров по соглашению сторон, участниками которых были и фермеры. Именно йомены-фермеры, чьи права на землю незыблемо гарантировались установившимся обычаем, по мнению автора, были главным двигателем аграрных процессов того периода²³.

Идеи Э. Кэрриджа были весьма неоднозначно восприняты в английской историографии. Тем не менее изучение проблемы, интересовавшей Р. Тоуни и вновь поднятой его учеником, было продолжено другими исследователями. Так, в 1983 г. вышла в свет работа новозеландского историка Дж. Мартина, в которой он изучал эволюцию отношений между крестьянами и лендлордами и становление капиталистического уклада в сельском хозяйстве на примере графств Центральной Англии, что позволило ему выяснить причины одного из крупных восстаний английского крестьянства в 1607 г.²⁴

Английский историк К. Райтсон в контексте исследования социальной структуры английского общества подошел к вопросу о фермерстве с точки зрения социального статуса этого слоя. Используя трактаты современников, он показал восприятие этой категории современниками. По мнению автора, в трактатах У. Гаррисона, Т. Уилсона, Г. Кинга фермеры еще не вычленились из крестьянства как особый слой, а ассоциировались лишь с зажиточными йоменами, чей годовой доход составлял не менее 40 ф.ст. Не занимаясь исследованием их хозяйственной деятельности, историк приводит весьма полезные сведения о количестве фермеров в отдельных манорах, о финансовом достатке йоменов²⁵.

Вскоре была опубликована статья М. Овертона об аграрной революции и развитии аграрной экономики в Англии в раннее Новое время, впоследствии развернутая им в монографию, в которой автор, однако, специально не рассматривал практику хозяйствования фермеров первой половины XVII в.²⁶

В немалом количестве статей об аграрной революции в Англии XVI–XVIII вв., опубликованных английскими историками в 1970–1980-х годах, вопрос о фермерстве периода Тюдоров и ранних Стюартов не затрагивался. Одним из примеров этого может служить статья Р. Бреннера²⁷. Изучение содержания публикаций в основных британских и американских научных исторических журналах²⁸ за два последних десятилетия показало отсутствие в них каких-либо значимых публикаций по истории английского фермерства XVI – первой половины XVII в. Имеется лишь статья Кр. Дайра об одном саффолкском фермере XV в.²⁹

В целом можно отметить, что проблема фермерства изучена англоязычными историками еще не в полной мере.

Фермерские хозяйства в данный период соседствовали с феодальными хозяйствами лендлордов маноров, в которых существовали различные категории крестьян: фригольдеры, копигольдеры, лизгольдеры, коттеры, а в некоторых манорах еще имелись

²³ *Kerridge E.* Agrarian Problems In The Sixteenth Century and After. London, 1969, p. 65–118.

²⁴ *Martin J.* Feudalism to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development London, 1983, p. 213–215.

²⁵ *Wrihtson K.* English Society. 1500–1680. London, 1982, p. 32–330.

²⁶ *Overton M.* Agricultural Revolution. Development of the Agrarian Economic in Early Modern England. – Explorations in Historical Geography. Cambridge, 1984, p. 118–139; *idem.* Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economy, 1500–1850. Cambridge, 1996.

²⁷ *Brenner R.* Agrarian Roots of European Capitalism. – Past and Present, № 97, 1982, p. 16–113.

²⁸ Past and Present, History, Economic History Review, English Economic History Review, Agricultural History Review, Speculum, Journal of Economic History etc.

²⁹ *Dyer Cr.* A Suffulk Farmer in the Fifteenth Century. – The Agricultural History Review, v. 55, 2007, p. 1–22.

даже вилланы³⁰. В то же время под влиянием процесса огораживаний пахотных земель по соглашению происходило разрушение общинных порядков и переход от системы открытых полей к выделенной системе землепользования³¹.

Сами современники вкладывали в понятие “фермер” не держательский статус человека, а именно способ ведения своего хозяйства³². Поэтому они использовали понятие farmer (фермер) в противоположность понятию landlord (лендлорд) и husbandman (земледелец, крестьянин). В то же время под термином “фермер” могли понимать и просто крестьянское хозяйство, о чем свидетельствует, например, отчет мировых судей Линкольншира в Тайный совет в 1637 г. Так, отметив наличие в графстве 22 фермерских хозяйств (farmhouses), они зафиксировали необходимость восстановления еще 33. Однако размеры эти фермерских хозяйств составляли всего-то 30–40 акров земли³³, т.е. чуть больше обычных крестьянских хозяйств. Видимо, в глазах современников понятие “фермер” еще не приобрело в полной мере особого значения, отличного от понятия “земледелец, крестьянин”. Часто фермеры именовались йоменами, которые всё чаще идентифицируют себя именно с этим слоем сельского населения, а нередко становились джентльменами, арендовали, огораживали, покупали, продавали землю и т.п.³⁴

По всей видимости, понятие “фермер” современники всё же связывали с разными социальными категориями английского общества: зажиточными фригольдерами и копигольдерами, джентри, горожанами, купившими землю³⁵. А, например, Дж. Норден в своем трактате (начало XVII в.) пишет о крестьянах и фермерах, т.е. разделяет эти два понятия³⁶.

О численности фермеров в Англии указанного периода сведений в источниках не имеется. Мы располагаем лишь отрывочными данными об их количестве в некоторых манорах, церковных приходах отдельных графств. Так, например, К. Райтсон, используя материалы обследования манора Лэкстон (Нортгемптоншир) от 1635 г., отметил, что в нем из 106 держателей земли 24 (22,6%) имели земли от 40 до 200 акров³⁷. Этих 24 держателей можно считать как раз фермерами. Некоторые данные “бумаг” мирового судьи Норфолка Н. Бэкона свидетельствуют, что из 29 церковных приходов в 1630 г., только в 8 из них зафиксированы фермерские хозяйства в количестве от 1 до 10 (всего 41). В остальных 21 зафиксированы фермерские хозяйства, в которых имелись от 6 до 86 мелких и мельчайших субарендаторов (коттеры)³⁸.

О внутренней структуре и организации фермерских хозяйств в конце XVI – первой половине XVII в. можно судить по сохранившимся расходным книгам и дневникам Г. Беста (Йоркшир), Р. Лодера (Беркшир), Н. Тоука (Кент), У. Хоннивелла (Девоншир)³⁹, а также по данным хозяйств джентри из Линкольншира, Сассекса, Сомертсетшира,

---

³⁰ Винокурова М.В. Мир английского манора (по земельным описям Линкольншира и Уитшира второй половины XVI – начала XVII в.). М., 2004, с. 217–228.

³¹ Kerridge E. *Agrarian Problems...*, p. 94–118.

³² Wilson Th. *The State of England, Anno Domini 1600.* – Camden Miscellany, v. XVI. Camden Society. Publications. 3rd ser, v. LII. London, 1936, p. 45.

³³ English Economic Documents. Selected Documents. London, 1915, p. 275.

³⁴ Много подобных примеров приводит М. Кемпбелл: *Campbell M. Op. cit.*, p. 27, 38–42, 64–104, 171–186 etc.

³⁵ Wilson Th. *Op. cit.*, p. 41.

³⁶ Nordon J. *The Surveor's Dialogue.* – Seventeenth Century Economic Documents. Oxford, 1973, p. 109–110.

³⁷ Wrightson K. *Op. cit.*, p. 32.

³⁸ Supplementary Stiffkey Papers. – Camden Society. Publications. 3rd ser., v. LII. London, 1936, p. 6.

³⁹ Robert Loder's farm accounts. 1610–1620. – Camden Society. Publications, v. LIII. London, 1936; Rural Economy in Yorkshire in 1641, Being the Farming and Account Books of Henry Best. – Surtees Society. Publications, v. CLXVIII. Edinburgh, 1857; The Account Book of a Kentish Estate 1611–1704. – London, 1927; A Devonshire Yeoman's Diary I. – Gleanings after Time: Chapters in Social and Domestic History. London, 1907, p. 160–175.

Оксфордшира, Эссекса, Кембриджшира, Камберленд, которые можно отнести к фермерским⁴⁰.

Несмотря на то, что к началу XVII в. в аграрном секторе Англии имелась определенная специализация, каждый фермер занимался как земледелием, так и скотоводством. Если говорить о земледелии, то размер запашки был в пределах 100–200 акров (т.е. 25–50 га). Так, например, на ферме Р. Лодера площадь земли, занятой зерновыми, не превышала 72 акров (38 га), а в хозяйстве Г. Беста – 200 акров (50 га). В маноре Кейрби (Careby), принадлежавшему семье линкольнширских джентри Хатчеров, площадь, занятая злаковыми и горохом, в период с 1625 по 1639 г. варьировала в пределах 74,5–95 акров и т.п.⁴¹ Норфолкский фермер Джон Кинг в 1630 г. засеял 120 акров ячменем⁴². Девонширский фермер У. Хоннивелл имел какое-то количество земли в двух церковных приходах графства⁴³.

Основными зерновыми культурами выступали пшеница, ячмень и овес. Приоритет отдавался пшенице, так как ее рыночная стоимость на протяжении XVII в. в среднем почти в полтора раза превышала стоимость ячменя, и в два раза – овса. Об урожайности зерновых и соответствующих доходах фермеров имеются некоторые сведения в дневнике У. Хоннивелла. Так, в 1600 г. он собрал в одном из своих полей 144 бушеля зерна (1 бушель в среднем – 36,3 л.), оцененного им в 30 ф.ст. 6 шилл. Обмолот урожая обошелся ему в 34 шилл. Из зерновых упоминается рожь, засеянная им в нескольких полях. Так, в 1599 г. он затратил на посев в одном из своих полей 6 бушелей 4 пека (1 пек – 1/4 бушеля) семенного зерна, а 26 марта начал вспашку “восточного луга” – очевидно так же для засева зерновыми. В его дневнике есть запись от 6 августа 1602 г., что он начал жатву ржи⁴⁴.

В.Ф. Семенов, изучавший деятельность беркширского фермера Р. Лодера, высказал мнение о том, что Лодер держал скот не столько для извлечения прибыли, сколько для получения “материала” для удобрения своих полей⁴⁵. Действительно, упоминаний о продаже навоза в источнике почти не встречается. Следовательно, большая часть удобрений, разбросанных на полях, давалась собственным скотом. Потребность в удобрениях была велика: во время вспашки своих полей – ежегодно Лодер вспахивал 70–80 акров – вывозил на них не менее сотни возов навоза и голубинового помета. Заметим, что английский агроном Маркхэм рекомендует удобрять каждый акр в зависимости от культуры и типа почвы 16–24 телегами навоза⁴⁶.

Помимо органики на полях фермеров использовались минеральные удобрения. В источниках можно найти упоминание об известии как о хорошем средстве повысить плодородие земли, речном песке, меле⁴⁷. Цена на известковые удобрения была в этот период довольно высока – к примеру, в апреле 1639 г. Н. Тоук заплатил 12 ф.ст. 6 шилл. за 9 возов известии или 21 шилл. за воз. Спрос на удобрения побуждал крестьян порой заниматься перевозкой и продажей песка с морского побережья⁴⁸. Продавали сажу и дре-

---

⁴⁰ The Derby Household Books. – The Chetham Society. Publications, v. XXXI. London, 1853; The House and Farm Accounts of the Shuttleworths of Gawthorpe Hall, in the County of Lancaster; Part II – Chetham Society, v. XLI. London, 1856; The Diary of the Rev. Ralph Josselin, 1616–1683. London, 1908; Giles Moor’s Day Book. – Horsted Keynes, Sussex – The Church and Parish of St. Giles. London, 1939; Lowther Family Estate Books 1617–1675. – Surtees Society. Publications, v. CXCI. London, 1979; Naworth estate and household accounts 1648–1660. – Surtees Society, v. CLXVIII. London, 1958; The Diary of Walter Powell 1603–1654. Bristol, 1997, p. 4–48.

⁴¹ The Victoria History of the Counties of England. A History of the County of Oxford, v. 12. London, 1990, p. 259–263 (далее: VH).

⁴² Supplementary Stiffkey Papers. – Camden Miscellany, v. XVI, p. 5.

⁴³ A Devonshire Yeoman’s Diary I. – Gleanings after Time, p. 161.

⁴⁴ Ibid., p. 165, 166, 172.

⁴⁵ Семенов В.Ф. Из истории..., с. 17.

⁴⁶ Markham G. The English Husbandman. London, 1613, p. 14.

⁴⁷ The Account Book of a Kentish Estate, p. 58, 180.

⁴⁸ Nordon J. The Surveyor’s Dialogue. – Seventeenth Century Economic Documents, p. 111–113.

весную золу. Рентабельность этого промысла по сравнению с известью была невысокой – воз золы оценивался лишь в 2–2,5 шилл. В качестве удобрения могли использоваться всевозможные органические отходы, осколки раковин устриц, торф и т.д.⁴⁹

Фермеры стремились поддерживать плодородие земли и соблюдать ее правильную обработку. Пахоте традиционно уделялось большое внимание. Умение правильно пахать высоко ценилось – нередко именно этот критерий становился решающим при найме батраков – а забота о соответствующем инвентаре и упряжи (geare) была одной из их повседневных обязанностей. В XVI в. в Англии было известно несколько разновидностей плуга. Несмотря на свою “простоту”, плуг был сложным инструментом, состоявшим из 12 отдельных деталей из металла и дерева⁵⁰. Деревянные части зачастую изготавливались самим фермером, а металлические детали приобретались на местном рынке – записи о покупке резака для плуга, в частности, можно неоднократно встретить в расходной книге Н. Тоука.

Наряду с плугом совершенствовались и другие сельскохозяйственные инструменты. Согласно Маркхэму, в этот период на полях появляется усовершенствованная борона, представлявшая из себя массивную деревянную раму с закрепленными в ней пятидюймовыми железными зубьями. Помимо этого на фермах имелся многочисленный ручной инвентарь: серпы, косы, грабли и т.д. А Г. Бест упоминает инструмент под названием “sweathrake” (судя по всему, большие грабли, которые тянули два человека). Несмотря на доступные цены – хороший серп стоил в середине XVII в. 5 пенсов – фермеры старались по возможности обеспечить себя всеми комплектующими. Так, Бест пишет, как правильно выбирать и обрабатывать древесину для древков и деревянных зубьев грабель⁵¹.

Таким образом, формы и методы земледельческого хозяйствования нередко еще носили примитивный характер. Одним из показателей этого, в частности, являлось периодическое оставление земли под пар, а в ряде случаев и сохранение двуполья. Всяческие улучшения пока носили локальный характер. К субъективным причинам, препятствовавшим прогрессу в землепользовании, следует отнести инерцию мышления фермеров: они попросту опасались внедрять новые культуры или способы ротации зерновых и технических культур. Традиционные способы – например, внесение в почву минеральных и органических удобрений – применялись широко.

Рентабельность земледельческого хозяйства определялась не только затратами на обработку земли и т.п., но и тем, что выращивали на ней. При этом учитывались климатические факторы и качество почв. Выбор в пользу определенных культур и нахождение баланса между ними был важным элементом в управлении фермерским земледельческим хозяйством.

Самой ценной культурой была пшеница. Ее выращивание считалось фермерами наиболее выгодным, а наличие на столе белого хлеба было символом благосостояния семьи⁵². И действительно, для того, чтобы обеспечить себя пшеничной мукой, фермеру приходилось ежегодно выкладывать кругленькую сумму. Например, семья Р. Лодера потребила в 1613 г. 11 кварталов 5 бушелей и 5 пеков (примерно 3380 л) пшеницы, которые он оценил в 23 ф.ст. 12 шилл.⁵³ Нетрудно подсчитать, что в данном случае один квартал (1 квартал – 290 л.) пшеницы стоит ему порядка 40 шилл. Соответственно, в этом же году он продал 9 кварталов пшеницы, выручив от этого по 39 шилл. за квартал. Заметим, что средняя цена квартала пшеницы в период с 1613 по 1620 г. составляла порядка 27,5 шилл.

⁴⁹ *Campbell M.* Op. cit., p. 173.

⁵⁰ *Barnabe G., Heresbach C.* Foure Booke of Husbandry. London, 1586, p. 21.

⁵¹ *Rural economy in Yorkshire*, p. 121–122.

⁵² *Harrisson W.* Description of Elizabethan England, p. 133–135.

⁵³ *Robert Loder's farm accounts*, p. 66.

Другой фермер, Н. Тоук, в период с 1617 по 1624 г. продавал свое зерно по цене 36–38 шилл. за квартал, а в 1630 г. – по 45 шилл.⁵⁴ Это объясняется тем, что тот год был неурожайным, и цены резко возросли⁵⁵. Но в целом на протяжении первой половины XVII в. средняя цена на пшеницу, за исключением неурожайных 1623 и 1630 гг., оставалась стабильной, составляя 30–35 шилл. за квартал, что было выше цены других злаковых. Однако означала ли такая цена пшеницы ее высокую прибыльность? Чтобы понять это, возьмем самый неудачный для беркширского фермера Р. Лодера с точки зрения цен на пшеницу 1614 г. При средней цене в 22–23 шилл. за квартал он оценил свой урожай в 47 ф.ст. При этом стоимость семян составила 7 ф.ст., расход на пахоту – 10 ф.ст. 12 шилл., на жатву – 2 ф.ст. 6 шилл., на обмолот – 3 ф.ст. 3 шилл. В итоге затраты составили 23 ф.ст. 1 шилл. Следовательно, даже при минимальной рыночной цене пшеница давала ему прибыль в два раза больше его затрат на нее. При нормальной цене в 30–35 шилл. фермер смог бы получить около 50 ф.ст. чистой прибыли, т.е. более 200%. Среди всех зерновых это было максимальным показателем. Средняя урожайность пшеницы на полях Лодера на протяжении девяти лет составляла 25 бушеля с акра. Предположительная урожайность пшеницы в хозяйстве Г. Беста составляла 16 бушелей с одного акра. Единственным фактом, препятствовавшим повсеместному выращиванию пшеницы, была привередливость этой культуры и высокие требования к качеству почвы. Под нее следовало выделять черноземы или лучшие глиноземы, фонд которых был ограничен. Как следствие, выделяемая площадь составляла от одной седьмой до одной третьей всей запашки. Таким образом, у данных фермеров не всегда была возможность сделать ее основной культурой.

Если пшеница могла претендовать на титул “королевы полей” в смысле доходности, то ржи отводилась куда более скромная роль. Это выглядит несколько странным и нелогичным, поскольку по сравнению с пшеницей рожь быстрее растет, она менее требовательна к качеству почвы и менее восприимчива к перепадам температуры. По свидетельствам того же Беста, на рынках Йоркшира рожь шла с пшеницей по одной цене или ниже на 1–2 шилл.⁵⁶ Однако в данных фермерских хозяйствах рожь часто оставалась на вторых ролях и даже не выращивалась вовсе. Весьма показательны в этом отношении исследования, проведенные Дж. Терск. По ее данным, в различных местах графства Линкольншир в XVII в. запашка под рожь составляла не более 4,5% от всей пахоты⁵⁷. Вместе с тем на полях нередко встречалась практика смешанного сева пшеницы и ржи.

Немаловажное место на фермерских полях занимал ячмень. Хотя его рыночная цена была на порядок меньше, чем пшеницы и ржи, но именно ячмень можно считать наиболее распространенной культурой на их полях. Неприхотливость ячменя, его стойкость к неблагоприятным условиям и стабильная урожайность позволили ему еще в предыдущие столетия получить повсеместное распространение. В начале XVII в. на территории королевства было известно несколько сортов ячменя. Наиболее широко распространенными среди них было три: broad, flat и Bean-Barley. Последний сорт особенно рекомендовал своим читателям агроном Маркхэм⁵⁸. Хорошие качества ячменя и его сырьевое предназначение для изготовления солода обеспечивали ему максимальные площади пахотных полей. Так, в хозяйстве Дж. Хатчера ячмень, в среднем, занимал 37,8%, доля первое место с посевами гороха⁵⁹. В хозяйстве Лодера в начале 1610-х годов запашка под ячмень составляла 75–80% пахоты. Правда, к 1620 г. этот процент снизился, но все равно составлял больше половины от всех обрабатываемых земель. На полях Беста и Тоука пшеница и ячмень выращивались в соотношении 1:1.

⁵⁴ The Account Book of a Kentish Estate, p. 123.

⁵⁵ Rural economy in Yorkshire, p. 99–102.

⁵⁶ Rural Economy in Yorkshire, p. 99.

⁵⁷ *Thisk J. English Peasantry Farming*, p. 89, 102.

⁵⁸ *Markham G. The English Husbandman*, p. 22.

⁵⁹ *Thisk J. English Peasantry Farming*, p. 174–175.

К сожалению, средняя урожайность ячменя в хозяйстве Беста нам неизвестна, зато по расходной книге Лодера с 1612 по 1620 г. средняя урожайность пшеницы составляла 25,4 бушелей с акра, а ячменя – 29,9 бушеля⁶⁰. Относительно низкую урожайность у Лодера, видимо, можно объяснить его экономией на удобрении ячменных полей.

В зависимости от региона и времени года цена на ячмень могла варьировать, но почти всегда сохранялась в пределах 21–22 шилл. за кварталер. Максимальная его стоимость, упомянутая в источниках – 30 шилл.: именно по этой цене продавал свой ячмень Тоук в неурожайном 1630 г.⁶¹

В хозяйствах фермеров выращивался и овес. Хотя он встречался часто и даже был составной частью севооборота, но оставался на “третьих ролях”, что было обусловлено, на наш взгляд, его низкой ценой на зерновом рынке. В частности, Г. Бест сообщает, что средняя цена кварталера овса в северном Йоркшире составляла в середине XVII в. 14 шилл., что было в два раза ниже цены пшеницы и в полтора раза ниже цены ячменя. В еще более невыгодном свете выглядел овес в Кенте, где вел хозяйство Тоук: в среднем цена кварталера была в два раза меньше чем ячменя и пшеницы. Тем более странным выглядит тот факт, что в хозяйстве Беста засеянный овес в 1641 г. занял 200 акров, в два раза превысив площадь, занимаемую пшеницей и ячменем⁶². Поскольку сведения о продаже овса за этот год отсутствуют, остается предположить, что эту культуру он выращивал для внутренних нужд, в частности, для содержания весьма многочисленного конного парка. А вот девонширский фермер У. Хоннивелл, видимо, не всегда сеял овес, а закупал его⁶³.

Если роль овса как коммерческой культуры была мала, то по рентабельности горох, фасоль и вика уступали ячменю в 2–3 раза, оценивавшиеся на рынке середины XVII в. в среднем 4–5 шилл. за кварталер. Главной целью фермеров при культивировании бобовых было обеспечение своего скота зимними кормами и обогащение почвы азотистыми соединениями. В то же время при избытке кормов они могли выгодно реализовываться фермером на рынке. Тот же Тоук в 1624 г. продал в общей сложности 300 кварталеров гороха и вики, выручив за них 72 ф.ст.⁶⁴ О посевах гороха упоминает и У. Хоннивелл⁶⁵. Наряду с бобовыми фермеры начинают практиковать выращивание турнепса, клевера, свеклы, моркови и ряда других кормовых культур. Интересно, что упоминание об этих культурах полностью отсутствует в изданном в начале XVII в. трактате Маркхэма “Английский земледелец”. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в этот период внедрение в севооборот кормовых культур было малоизвестно не только практикующим фермерам, но и агрономам-теоретикам. Но с середины XVII в. уже имеются сведения о выращивании турнепса и клевера⁶⁶. Упоминания о выращивании клевера можно встретить и в протоколах разъездного суда в графстве Кенте в 1682 г.⁶⁷

Технические культуры в первой половине XVII в. были распространены уже довольно широко – в Англии были целые районы, население которых специализировалось на выращивании льна и конопли. Культивация последней была обязательной для любого землевладельца, имевшего более 60 акров земли⁶⁸. Так, на “острове” Эксхольм конопля в XVI–XVII вв. считалась одной из главных культур и была составной частью севооборота – жители острова выращивали ее, перемежая с рожью и пшеницей⁶⁹. В рамках же

⁶⁰ Robert Loder's Farm Accounts, p. XVII.

⁶¹ The Account Book of a Kentish Estate, p. 123.

⁶² Rural Economy in Yorkshire, p. 52.

⁶³ A Devonshire Yeoman's Diary I, p. 165.

⁶⁴ The Account Book of a Kentish Estate, p. 55.

⁶⁵ A Devonshire Yeoman's Diary I, p. 164.

⁶⁶ The Account Book of a Kentish Estate, p. 246.

⁶⁷ Calendar Assize Records. Kent Indictments. Charles II. 1676–1688, p. 171.

⁶⁸ Statutes of the Realm of England, v. IV. London, 1819. 24 Hen. VIII, c. 4.

⁶⁹ *Thisk J.* The Island of Axholme before Vermuyden, p. 20–21.

фермерского хозяйства ни лен, ни конопля не играли важной роли, а полученная от них выручка по сравнению с прочими статьями доходов была ничтожна.

Одной из самых неоднозначных культур этого периода следует считать хмель. Эта культура была хорошо известна в Англии в XV–XVI вв. – в агрономической поэме Тюссера “Сотни советов хорошему земледельцу”, опубликованной в 1557 г., выращиванию хмеля уделяется большое внимание. Однако в вышедшем пару десятилетий спустя “Описании Англии” У. Гарриссона хмель не упоминается вовсе. Материалы расходных книг и дневников фермеров показывают, что хмель выращивался исключительно с целью использования в собственном хозяйстве. Основным фактором, побуждавшим фермеров делать выбор в пользу хмеля, была его высокая рентабельность. Один акр хмеля мог дать около тонны продукции. В свою очередь, эта тонна, в зависимости от цены, колебавшейся в XVII в. от 50 до 80 шилл. за хандервейт (около 50 кг), могла принести хозяину прибыль в размере 40, 50 и даже 80 ф.ст.⁷⁰ Правда, у высокой рентабельности хмеля была и обратная сторона. Это относительно высокий риск неурожая, так как хмель – весьма привередливая культура, требующая особых условий⁷¹.

Одной из излюбленных тем английских публицистов и агрономов XVI–XVII вв. традиционно были огородные культуры и плодовые деревья. В трактате Гарриссона этому вопросу даже посвящена отдельная глава⁷². В некоторых фермерских хозяйствах практиковалось садоводство. Так, например, У. Хоннивелл в 1597 г. арендовал у приходского священника три фруктовых сада сроком на год за ренту в 20 шилл.⁷³ Однако садоводство и огородничество с точки зрения доходности играли вспомогательную роль. Единственное упоминание о получении коммерческого эффекта от выращивания садовых культур встречается лишь в расходной книге Р. Лодера. Но и там фруктам отводится весьма скромная роль. Продавая яблоки, груши и вишню по цене от 9 до 12 пенсов за бушель, фермер выручил лишь около 13 ф.ст., что составило лишь около 5% от общей прибыли, полученной им в 1612 г.⁷⁴

Помимо зерновых фермеры уделяли значительное внимание заготовке кормов для скота, прежде всего для лошадей – основными кормовыми культурами были бобовые (горох или вика), под которые часто выделялась земля, сопоставимая по площади с территорией, занятой собственно зерновыми – у того же Р. Хатчера горох занимал не менее трети от всей посевной площади. Кроме того, в каждом хозяйстве большое внимание уделялось заготовлению сена на зиму. Вozy сена измерялись десятками и даже сотнями. Сено выступало как ликвидный и постоянно востребованный товар, торговать которым, ввиду его низкой себестоимости было выгодно. Так, Н. Тоук продавал в 1617 и 1624 гг. больше 100 возов сена. Упоминания о продаже сена можно встретить в дневнике священника из Сассекса Джайлза Мура⁷⁵.

Важное значение в фермерских хозяйствах имело скотоводство. Однако разведение крупного рогатого скота, видимо, имело скромные масштабы – на средней ферме (за исключением хозяйства Н. Тоука, где выращивание и продажа скота были поставлены, если так можно выразиться, на поток) содержалось поголовье из 10–12 молочных коров, хотя в ряде случаев могло быть и больше. Продукция молочного животноводства – сыр и масло – как правило, предназначались для внутреннего потребления, но часть могла продаваться на рынке. В то же время некоторые фермеры, очевидно, могли специализироваться и на молочном направлении в животноводстве, получая от этого значительные прибыли. Так, после смерти некоего фермера Джона Хилла из прихода Чилтон Тринити (Сомерсетшир) в 1669 г., помимо прочего имущества, его наследникам достались

⁷⁰ *Tusser Th. The Five Hundred of Good Husbandry*, p. 156.

⁷¹ *Ibid.*, p. 122.

⁷² *Harrison W. Description of Elizabethan England*, p. 264.

⁷³ *A Devonshire Yeoman's Diary I*, p. 162.

⁷⁴ *Robert Loder's Farm Accounts*, p. 38.

⁷⁵ *Giles Moore's Day Book. Horsted Keynes, Sussex. The Church and Parish of St. Giles. London, 1939*, p. 83.

142 сырных головы⁷⁶. Живший в этом же приходе некий Джон Пейдж (ум. в 1671 г.) оставил после себя 80 фунтов масла и 8 хандредвейтов (около 400 кг) сыра⁷⁷. У. Хоннивелл пишет, что 1 мая 1602 г. “привез на Чидлейский рынок так много продовольствия, что это принесло мне 13 пенсов”. А через пару недель он привез на этот же рынок 3 сыра и продал за 10 пенсов⁷⁸.

На фермах имелось некоторое число свиней: однако их поголовье всегда было невелико и обычно не превышало 20 голов. Фермеры могли иметь птичники, в которых содержалось несколько десятков особей домашней птицы, голубятня или пасака. Однако все эти направления явно играли вспомогательную роль и использовались главным образом для удовлетворения внутренних потребностей фермы.

Доходность фермерских хозяйств достаточно ярко иллюстрирует расходная книга Р. Лодера. Она свидетельствует, что его основным занятием было выращивание двух зерновых культур – ячменя и пшеницы. Продажа этих злаков вместе с соломой и сеном, в совокупности с доходами от голубятни, рента, фруктов давали фермеру стабильный доход порядка 400 ф.ст. При этом чистая прибыль с его фермы площадью в 302 акра в среднем составляла 221,7 ф.ст. в год. Минимальный показатель – 146 ф.ст. в 1611 г.; максимальный – 292 ф.ст. в 1619 г. Впрочем, последние три года чистый доход Лодера не снижался ниже 250 ф.ст. Вместе с тем сумма, затраченная на выращивание и сбор урожая, составляла в среднем 124 ф.ст. в год. Его чистая прибыль составляла примерно 177%. Расходы на внутренние нужды фермы составляли около 100 ф.ст. Большая часть этой суммы приходилась на потребленное зерно, производимое в его же хозяйстве. Реальные же расходы никогда не превышали 10–20 ф.ст. В целом ферма Лодера была высокорентабельным хозяйством.

Во многом такую же картину мы можем наблюдать и при анализе хозяйственной деятельности Г. Беста за 1617 и 1624 г. Основной специализацией его хозяйства было разведение и продажа скота⁷⁹, а общая сумма расходов выражается лишь одной строчкой без какой-либо детализации. Но даже эти сведения дают представление о товарной направленности его хозяйства. Так, в 1617 г. его общий доход от товарной сельскохозяйственной продукции составил 1698 ф.ст. 4 шилл. Основные статьи дохода: продажа овец и ягнят (880 ф.ст.), крупного рогатого скота (430 ф.ст.), сена (100 ф.ст.) и зерна (161 ф.ст.). В 1624 г. он заработал 1846 ф.ст., т.е. больше, чем Лодер. Однако, несмотря на это, общая тенденция сохраняется – и в том, и в другом случае эффективность хозяйств была достаточно высока.

Каково могло быть поголовье овец на средней английской ферме? По данным Дж. Терск, в среднем крестьянском хозяйстве Линкольншира в конце XVI – начале XVII вв. могло одновременно находиться до нескольких десятков овец и баранов. В более крупном хозяйстве число животных могло варьировать от одной до двух-трех сотен. Однако количество таких хозяйств в одном приходе, как правило, не превышало двух-трех⁸⁰. Аналогичные данные можно найти и по другим графствам⁸¹. Также известно, что у девонширского фермера У. Хоннивела в 1614 г. было 494 овцы и ягнят, оценивавшихся в 160 ф.ст. А весь его скот и урожай в 1612 г. оценивался в 463 ф.ст. 13 шилл. 4 пенса⁸². В хозяйстве Н. Тоука в 1618 г. содержалось по крайней мере полторы тысячи голов⁸³, а семья Хатчеров в период с 1625 по 1639 г. содержала их от 700 до 1000 голов⁸⁴. Одним из источников доходов от овцеводства было его мясное предназначение. Как правило,

⁷⁶ VH. A History of the County of Somerset, v. 6. London, 1992, p. 254.

⁷⁷ Ibid., p. 255–256.

⁷⁸ A Devonshire Yeoman's Diary I, p. 168–169.

⁷⁹ Rural Economy in Yorkshire, p. 7–9, 154–155.

⁸⁰ Thirsk J. English Peasant Farming, p. 112.

⁸¹ VH. A History of the County of The Somersetshire, v. 6, p. 254–256.

⁸² A Devonshire Yeoman's Diary I, p. 175.

⁸³ The Account Book of a Kentish Estate 1611–1704, p. 7–8.

⁸⁴ Thirsk J. English Peasant Farming. London – New York, 1994, p. 175.

количество животных для этой цели на ферме было сравнительно невелико, хотя были и исключения – в ориентированном на животноводство хозяйстве Н. Тоука ежегодно продавались сотни голов овец, а получаемые от этого доходы исчислялись сотнями фунтов стерлингов⁸⁵.

Очевидно, что главным фактором, ограничивавшим возможность содержать большее по численности поголовье, была нехватка земли под пастбища, что, как известно, стало причиной конверсии пахотных земель. Вместе с тем имеющиеся данные позволяют сделать приблизительные подсчеты, согласно которым на одном акре земли на протяжении большей части года могли пастись 1–2 овцы. По сегодняшним меркам это весьма скромная цифра, однако даже при подобном распределении на одном и том же участке хозяин содержал в несколько раз больше овец, чем коров или лошадей⁸⁶. Соответственно, располагая значительными земельными угодьями, фермер мог позволить себе поголовье в несколько сотен и даже в несколько тысяч животных⁸⁷.

В качестве примера товарного овцеводства можно привести хозяйство Н. Тоука. Главной специализацией в нем были закупка, выращивание и последующая перепродажа овец и крупного рогатого скота. В 1617 г. этим фермером-джентри было продано 1717 голов скота, в 1624 г. – 350, в 1630 г. – 680. Общая сумма выручки составила 882 ф.ст. 4 шилл. Интересно, что в его записях практически отсутствуют сведения о продаже шерсти – упоминание об этом относится лишь к 1630 г., когда он продал ее на сумму в 81 ф.ст.⁸⁸ Но эта цифра составила лишь 5,5% от всего его дохода. Чем можно объяснить столь скромную роль главного продукта овцеводства в формировании прибыли фермера? Возможно, что Тоук просто не фиксировал продажу шерсти в своей расходной книге. Однако, если учесть его рачительность и дотошность (в расходной книге фиксировались даже самые ничтожные траты в несколько пенсов), это выглядит маловероятно. Гораздо убедительнее выглядит предположение, что продажа шерсти вообще не имела в его хозяйстве важного значения, и основные доходы он получал от продажи животных в качестве мяса на продовольственном рынке.

О невысокой доходности от реализации шерсти говорят примеры еще двух ферм первой половины XVII в. – это хозяйство семьи Хатчеров и Лодера. В хозяйстве первых, где содержалось около тысячи овец, ежегодный настриг составлял от 110 до 156 тодов (1 тод – 12,7 кг) в год. Если учесть, что в середине XVII в. один тод шерсти стоил 20–24 шилл.⁸⁹, то годовой доход от ее продажи составлял 120–150 ф.ст., что для столь крупного хозяйства было более чем скромной суммой. Еще более показателен пример Лодера. В 1612 г. фермер держал стадо из 500 овец, за которыми следили двое пастухов. В том же году он выплатил им 7 ф.ст. 4 шилл., а сумма съеденных овцами соломы (10 шилл. за воз) и сена (1 ф.ст. за воз) в совокупности с прочими расходами составили около 50 ф.ст. Общая сумма, затраченная в 1612 г. на содержание его стада, составила 70 ф.ст. 14 шилл. 7 пенсов, или чуть более двух с половиной шилл. на одну овцу⁹⁰. Заметим, что вес шерсти, полученной Лодером в том же году от овец, составил 50 тодов (635 кг) – при продаже одного тода по цене в 25 шилл. это могло дать доход в 62 ф.ст., что немного меньше его затрат на их содержание – т.е. продажа шерсти лишь позволяла в лучшем случае вывести стадо на самоокупаемость. Разумеется, подобное положение вещей не могло устраивать фермера, и в дневнике он строил различные планы по поводу повышения рентабельности своего стада. Однако дальше планов дело так и не пошло – основной специализацией фермы осталось земледелие, и основной

---

⁸⁵ The Account Book of Kentish Estate 1611–1704, p. 7–8.

⁸⁶ Н. Тоук сообщает, что одна лошадь съедает на пастбище столько, сколько съедают две коровы, а одна корова, в свою очередь, потребляла столько же сена, сколько и пять овец (The Account Book of a Kentish Estate, p. 8).

⁸⁷ *Harrisson W. The Description of England*, p. 310.

⁸⁸ The Account Book of a Kentish Estate, p. 7, 123.

⁸⁹ *Rural Economy in Yorkshire*, p. 27.

⁹⁰ Robert Loder's Farm Accounts, p. 39–43.

доход Лодер получал от продажи ячменя и пшеницы. Перестраивать свое хозяйство он не захотел.

Возможно, что одной из причин столь низкой доходности от продажи шерсти была низкая продуктивность овец в тот период. Настриг с 6 голов овец в середине XVII в. обычно составлял один стоун (6,35 кг) шерсти, или килограмм с небольшим с одной овцы, и данный показатель оставался, в общем, стабильным до начала XVIII в.⁹¹ На фоне тех 7–8 кг, которые настригаются в наше время, это было более чем скромным показателем. Цена одного стоуна шерсти составляла 10–11 шилл. Следовательно, годовой доход от продажи шерсти со стада из 300 животных мог составить 500 шилл., или 25 ф.ст. в год. Соответственно, одна овца приносила своему владельцу доход в 1 шилл. 6 п. В то же время для выпаса такого количества овец требовалось не менее 150–200 акров земли. Используя эту же землю для выращивания пшеницы, фермер мог получать прибыль в 6–8 раз больше. Поэтому производство шерсти на продажу в таком фермерском хозяйстве было нерентабельно. Очевидно, что продажа шерсти могла быть прибыльной лишь при условии ее реализации на рынке в больших количествах перекупщиками, скупавших ее тоннами и отправлявших в те регионы, где она пользовалась повышенным спросом.

Какова же роль мясомолочного производства в структуре хозяйств данных фермеров? На любой ферме обязательно содержалось несколько молочных коров с целью обеспечить хозяйство молоком и его производными. Соответственно в фермерском доме имелось оборудование и предназначенные для хранения и переработки молока помещения. Г. Маркхэм, давая в своей книге схематическое изображение фермерского дома, выделяет под молочные “дела” сразу две комнаты – “Diary house” и “Milk house” – расположенные в левом крыле дома и снабженные всем необходимым инвентарем. Согласно автору, молочным хозяйством на ферме занимались исключительно женщины. Дойка коров обычно осуществлялась три раза в день. Средний надой составлял полтора галлона в день (т.е. 6,75 л), а лучшие экземпляры буренок давали в день по два галлона (9 л)⁹². Сходные цифры дает и публицист-агроном XVII в. Джон Уолридж, рассказывая о разводимых в Англии датских коровах, отмечает, что они могли давать в день до 2 галлонов молока, а это вполне сопоставимо с показателями на современной молочной ферме⁹³. Наиболее удойными месяцами считались март и апрель, когда у коров появлялось потомство. Впрочем, само молоко как скоропортящийся продукт особой ликвидностью не обладало; главным объектом продажи были сыр и масло.

Количество животных в зависимости от размеров фермы могло существенно колебаться от 16 до 20 молочных коров. Но, например, в хозяйстве Г. Беста содержалось лишь 14 голов крупного рогатого скота (beasts)⁹⁴.

Однако рост цен на молочном рынке в первой половине XVII в. сделал молочное хозяйство значительно более прибыльным. Попытаемся рассчитать доходность молочной фермы с содержащимися на ней 20 коровами и специализировавшейся на производстве масла. При расчете, что средний удой с одной коровы составит 6,75 л, за 30 дней на ферме будет произведено 4050 л молока. Учитывая, что на изготовление килограмма масла требуется 25 л, мы получаем 162 кг или 358 фунтов масла. По данным Г. Беста, в середине XVII в. фунт масла при хорошем торге можно реализовать за 5 пенсов, что, в свою очередь, дает ежемесячный доход 7 ф.ст. 8 шилл. Исключая зимний период, когда удой резко падал, и весну, когда коровы выкармливали телят, получается примерно 8 месяцев в году стабильного удоя могло дать общую сумму дохода от реализации масла порядка 60 ф.ст. Помимо молока необходимо также учесть также приплод. Исходя из

---

⁹¹ Элизабет Фитцгерберт, имевшая стадо в 120 овец, в 1700 г. продала 13 тодов (26 стоунов) шерсти, т.е. настриг с 6 овец составил 1,3 стоуна (VH.A History of the County of Oxford, v. 12, p. 8–10).

⁹² *Markham G. The English Housewife*, p. 168.

⁹³ *Fussell G.D. The English Dairy Farmer 1500–1900*. London, 1966, p. 12.

⁹⁴ *Rural Economy in Yorkshire*, p. 107, 117–118, 170.

того, что каждая корова сможет за год выкормить по одному теленку, то это дает еще 20 ф.ст. дохода.

Теперь рассчитаем расходы. На содержание молочной коровы (при наличии собственных пастбищ) в год требовалось примерно 12,5 шилл., что в перерасчете на указанное поголовье дает 12,5 ф.ст. Прибавив к этому расходы на пастуха, оплату труда служанок и т.д., получим еще 6–7 ф.ст., что в общей сложности составит 20 ф. ст., а чистая прибыль – 60 ф.ст. Если учесть, что для такого поголовья оказывалось достаточно 60–70 акров, становится ясно, что молочное хозяйство было оптимальным для небольшой фермы.

То, что молочное хозяйство могло иметь под собою вполне реальную коммерческую основу, подтверждается и рядом источников⁹⁵. Имеются прямые указания на то, что производство молочной продукции и ее реализация в Лондоне были основным занятием многих зажиточных крестьян, проживавших в графстве Мидлсекс⁹⁶. В пользу молочного хозяйства, как источника неплохих доходов говорит и тот факт, что низкая трудозатратность молочной фермы позволяла содержать ее даже в небольших хозяйствах. Весьма интересен в этом отношении пример приходского священника из Сассекса Джайлза Мура: на покупку трех коров и строительство загона для них он потратил, в общей сложности, около 11 ф.ст. Правда, на данном поприще священнослужитель не преуспел: в своем дневнике он пеняет, что “ежегодно терял деньги на аренде пастбищ и содержании коров”⁹⁷. В то же время молочные коровы играли в них сугубо вторичную роль, а продажа молока, масла или сыра была лишь вторичным источником доходов и осуществлялась лишь от случая к случаю. Наглядным примером этого может служить ферма Лодера. Несмотря на то, что на ней в разные годы содержалось от 7 до 12 голов крупного рогатого скота, молочные коровы даже не могли полностью обеспечить своего хозяина маслом и сыром на весь год – в 1613 г., по подсчетам фермера, было произведено сыра на 3 ф.ст. 5 шилл., а общее количество потребленного сыра оценено им около 6 ф.ст. По мнению В.Ф. Семенова, животноводство было поставлено фермером очень плохо⁹⁸. Однако есть и другие примеры, говорящие в пользу того, что молочное хозяйство не играло заметной роли в структуре крупной фермы. Так, Г. Бест, располагавший 14 молочными коровами, о продаже масла упоминает только раз, а в хозяйстве Н. Тоука, специализировавшегося на разведении и продаже крупного рогатого скота, о продаже молока и молочных продуктов не упоминается вовсе. К этому стоит добавить, что даже несмотря на рост цен, стоимость молочных продуктов на фоне других продуктов питания была весьма умеренной.

Таким образом, производство молочных продуктов даже в большом объеме едва ли могло дать фермеру значительные доходы, сопоставимые с теми, которые он мог иметь, к примеру, от земледелия. Напротив, продажа крупного рогатого скота выглядела весьма привлекательно. На протяжении XVI–XVII вв. цены на него продолжали расти: если в 1560-е годы взрослый бык стоил 2–3 ф.ст., то уже в первой половине XVII в. – от 4,5 ф. ст. и выше. В частности, в дневнике герфордширского священника Уолтера Пауэлла в 1650 г. упоминается о продаже его сыном двух быков за 10 ф.ст.⁹⁹ При подобной динамике цен продажа даже небольшого стада могла дать своему владельцу значительный доход. В дальнейшем, на протяжении XVII в., цены на скот продолжали расти, хотя и не так быстро. Наравне с овцами крупный рогатый скот отличался хорошей ликвидностью, причем для этого было даже не обязательно ехать на специализированную ярмарку. Показательно, что лендлорды охотно принимали скот в качестве фэйна от своих держателей в манорах. Так, лорд Чарлз Ховард в 1648 г., собирая фэйны со своих дер-

⁹⁵ VH. A History of the County of Somerset, v. 6. London, 1992, p. 254–256.

⁹⁶ VH. A History of the County of Middlesex, v. 11, p. 180.

⁹⁷ Giles Moore's Day Book, p. 100.

⁹⁸ Семенов В.Ф. Из истории..., с. 17–18.

⁹⁹ Diary of Walter Powell, p. 36.

жателей в графстве Камберленд, из полученных в общей сложности 212 ф.ст. – 25 ф. ст. получил в натуральной форме, т.е. в виде быков и коров¹⁰⁰.

Таким образом, высокая доходность и ликвидность крупного рогатого скота делали его привлекательным объектом для фермеров. Поскольку для подобного рода занятий требовались значительные земельные площади, данное направление должно было пользоваться особой популярностью у крупных фермеров. Как и овцы, коровы большую часть года паслись на открытых пастбищах вместе с прочим скотом. В случае нехватки собственных пастбищ широко практиковалась их кратковременная аренда. Упоминания об этом можно встретить у Г. Беста: для своих коров он арендовал участки пастбища в соседних поселениях по цене 2 шилл. за один участок. А в случае необходимости фермер мог арендовать более значительные площади, как это делал Н. Тоук. Располагая необходимыми количеством земли, фермер мог организовать на них разведение крупного рогатого скота для его последующей продажи на рынке. В качестве примера можно привести хозяйство Джона Лоутера, проживавшего в первой половине XVII в. в Камберленде. В своем маноре он содержал большое количество скота, в том числе и крупного рогатого, оцениваемого им в огромную сумму в 20 тыс. ф.ст. В его расходной книге неоднократно можно встретить упоминания о продаже значительных партий крупного рогатого скота на местных рынках¹⁰¹. А вот Н. Тоук, используя свои пастбища и арендуя земли близлежащих ферм, на протяжении всего года откармливал купленный у соседей крупный рогатый скот, который затем продавал десятками голов. На примере результатов его хозяйствования в 1630 г., когда он продал 100 голов скота и выручил за них 383 ф.ст., расчет показывает, что его прибыль составила 250%.

Примерно то же самое можно говорить о разведении куропаток и лебедей. Несколько на ином положении находились голуби. Почти в каждом фермерском хозяйстве имелась голубятня, снабжавшая его удобрением для полей и иногда свежей голубятиной. Коммерческий эффект голубятни виден в расходной книге Лодера. В 1613 г. фермер оценил доход от нее в сумму 5,5 ф.ст.: в полтора ф.ст. – голубиный помет и в 4 ф.ст. – забитые молодые птицы¹⁰². Это могла быть неплохая прибавка к основным доходам, однако для него такая сумма была крайне невелика.

Наконец, последним источником фермерских доходов является пчеловодство. Однако его коммерческая значимость также находится под большим сомнением. В то же время нельзя исключать, что в отдельных случаях большая пасека могла быть источником неплохих доходов¹⁰³.

Стоит также упомянуть еще о денежном и имущественном состоянии фермеров. Так, М. Кэмпбелл приводит немало примеров, когда йомены оставляли наследникам немалые суммы денег и имущество¹⁰⁴. Роберт Бест, умерший в 1617 г., оставил после себя зерно, скот и прочие товары, оцененные его сыном в 900 ф.ст.¹⁰⁵ У. Хоннивелл также имел немало овец, закупая и продавая их. Так, в 1599 г. он закупил 9 волов за 14 ф.ст. 13 шилл. 4 пенса, 40 барашков за 17,5 ф.ст., 40 кастрированных баранов за 10,5 ф.ст., 4 кастрированных бычков за 4,5 ф.ст. 8 шилл. и т.д. В его имении Риддон имелось 166 голов овец. Кроме того, он располагал немалыми свободными денежными средствами. В его дневнике много записей о даче в долг на разные сроки по 10 ф.ст. и более многим лицам¹⁰⁶.

Неотъемлемой чертой фермерского хозяйства было использование наемного труда. На фермах было несколько категорий наемных рабочих, чье положение существенно дифференцировалось. Кроме того, в изучаемый период существовала практика установ-

¹⁰⁰ Naworth Estate, p. 10–13.

¹⁰¹ Lowther Family, p. 33.

¹⁰² Robert Loder's Farm Accounts, p. 62.

¹⁰³ Rural Economy in Yorkshire, p. 67–69.

¹⁰⁴ Campbell M. Op. cit., p. 157–220, 378–388.

¹⁰⁵ Rural Economy in Yorkshire. Appendix, p. 152.

¹⁰⁶ A Devonshire Yeoman's Diary I, p. 165–166.

ления уровня заработной платы наемных рабочих мировыми судьями графств. В связи с этим каждую из этих категорий уместно рассматривать в отдельности.

К первой группе рабочих относились слуги, постоянно проживавшие при ферме. Как правило, их численность не превышала десятка человек. Больше число людей просто оставалось бы без работы на протяжении нескольких месяцев. В частности, в хозяйстве Г. Беста в 1641 г. были заняты восемь человек: пятеро слуг-мужчин и три служанки. Все они работали у него на протяжении нескольких лет, ежегодно получая жалованье. Хотя все они выполняли сельскохозяйственные работы общего характера, каждый из них, как правило, нанимался с определенной целью¹⁰⁷. Аналогичную картину мы можем наблюдать в хозяйстве Н. Тоука. Основу постоянного контингента его хозяйства составили местные малоземельные крестьяне, многие из которых работали на него годами¹⁰⁸.

Заработная плата этой категории рабочих выдавалась за три месяца, за полгода или за год. В зависимости от пола, возраста и квалификации их жалованье дифференцировалось. Отметим, что мужчины на ферме Лодера получали за свой труд куда больше, чем женщины. Если зарплата служанок не превышала 2 ф.ст. 7 шилл., то мужчины получали от 2 ф.ст. до 13 ф.ст. 10 шилл.¹⁰⁹ Повышенное жалованье платили пастухам: к примеру, в хозяйстве Г. Беста они получали 4–5 ф.ст. в год против 2–3 ф.ст. у других работников.

Все вышеназванные тенденции прослеживаются и в других хозяйствах этого периода. Средняя годовая зарплата работников мужчин колебалась в пределах 3,5–4 ф.ст., а у женщин составляла 2–2,5 ф.ст.; отметка в 3 ф.ст., судя по всему, была для них максимальной. Иногда денежная оплата могла сочетаться с натуральной – несколько бушелей пшеницы или поросенок. Подобные заработки были более чем скромными. Тот же Р. Лодер, к примеру, сообщает, что на продовольствие для четырех слуг ему в год требовалось 9–10 ф.ст., или около 2–2,5 ф.ст. на одного человека¹¹⁰. Еще выше планку прожиточного минимума поднимает Г. Бест. Он замечает, что одному человеку на пропитание требовалось 5 пенсов в день, что в перерасчете на год составляло 7,5 ф.ст. А девонширский фермер У. Хоннивелл, когда ему понадобилось, выяснил, что на питание работникам необходимо 6 пенсов в день¹¹¹. Исходя из этих цифр, получается, что среднего жалованья рабочего фермы едва ли хватало на его существование. С другой стороны, проживая на ферме, рабочий не тратил денег ни на питание, ни на рабочую одежду, которую он, как правило, также получал от хозяина. В случае, если он зарекомендовал себя с хорошей стороны, хозяин старался привязать его ко двору, повышая заработную плату. Эта тенденция четко прослеживается у Г. Беста¹¹².

Таким образом, положение данной категории отличалось относительной стабильностью. Постоянно проживая на территории фермерского хозяйства, они на протяжении года были обеспечены пищей, работой и хотя и небольшим, но стабильным доходом.

Феодальные пережитки просматриваются и в случае со второй категорией рабочих. К этой группе следует отнести лиц, которые держали земельные участки от его владельца. Причем, в том случае, если лендлорд сдавал землю в аренду, то к арендатору переходило право на использование труда проживающих на земле крестьян-копигольдеров. Впрочем, в XVI в. трудовая повинность обычных держателей была чисто символической и составляла всего лишь несколько дней в году¹¹³. Однако в отличие от рабочих первой категории, арендаторы не работали на ферме постоянно: их труд использовался лишь эпизодически¹¹⁴. В то же время они могли привлекаться в другое

¹⁰⁷ Ibid., p. 132–136.

¹⁰⁸ The Account Book of a Kentish Estate, p. 58.

¹⁰⁹ Robert Loder's Farm Accounts, p. 136.

¹¹⁰ Ibid., p. 52, 67.

¹¹¹ A Devonshire Yeoman's Diary I, p. 162.

¹¹² Rural Economy in Yorkshire, p. 133.

¹¹³ Штокмар В.В. Генезис капиталистического фермерства. – История крестьянства в Европе, т. 3, с. 46.

¹¹⁴ Rural Economy in Yorkshire, p. 132.

время и для других целей. Например, когда Бест арендовал пастбища для своих телят и молодых бычков, его держатель – Лоуренс Мидлтон – был отправлен для переговоров в качестве доверенного лица. Поскольку поручаемая таким лицам работа была разовой, ее стоимость устанавливалась по договоренности или зависела от конечного результата. В частности, при обмолоте зерна такой работник получал в зависимости от сорта обмолачиваемых колосьев, от 4 до 8 пенсов за бушель. Иногда к денежной выплате могло быть добавлено 1–2 бушеля овса или ячменя.

К третьей категории работников следует отнести батраков-поденщиков, нанимаемых фермером на период сбора урожая в августе и сентябре. Оплата их труда осуществлялась на сдельной основе. Обычно они нанимались сроком от нескольких дней до одной–двух недель; в последнем случае средняя плата за один день была несколько меньшей. Все время, пока батраки жили на ферме, хозяин должен был их кормить и предоставлять ночлег (стоимость пищи вычиталась из их зарплаты). Условия проживания батраков, если верить тому же Бесту, были вполне сносные: рабочие спали на постелях с простынями, а в их рацион питания, помимо прочего, включались молочные продукты и баранина¹¹⁵.

Таким образом, источники фермерского происхождения дополняют существующие представления об английском фермерстве первой половины XVII в. Прослеживается проникновение капиталистического уклада в структуру данных фермерских хозяйств. В землевладении это находило выражение в том, что наряду с традиционными держаниями в форме фригольда или копигольда все большее значение приобретала земля, получаемая фермерами на основании кратковременной аренды. И если, к примеру, в хозяйстве Г. Беста данный вид аренды играл второстепенную роль, то в случае с фермером-джентри Тоуком она играла уже решающее значение. Таким образом, использовавшаяся в хозяйствах фермеров земля все более приобретала черты буржуазной собственности. Впрочем, здесь необходимо отметить, что даже в случае, если большая часть земли держалась фермером на ленных правах, это не мешало ему хозяйствовать капиталистическими методами.

То же самое можно сказать о феодальной ренте, выплачиваемой фермерами ленд-лордам. В совокупности с церковной десятиной и налогами в пользу бедных, она не была чрезвычайно обременительной для них, а если учесть, что отсутствовала система регулярного налогообложения, то общий объем фермерских выплат и вовсе мог носить чисто символический характер.

Изменения начинаются в период беспарламентского правления Карла I Стюарта (1629–1640), когда король произвольно вводил различные поборы. Однако даже тогда уплачиваемые фермерами суммы все равно оставались вторичной статьей в их расходах. Так, к примеру, максимальные выплаты Н. Тоука в 1644 г. составили сумму в 73 ф.ст., т.е. 8–10% от его доходов (показательно, что выплаты были наложены на роялиста Тоука не королем, а парламентским правительством).

Общей чертой всех исследованных ферм следует считать сходные методы хозяйствования. В этом отношении хозяйства как джентри Тоука и Беста, так и йомена Лодера были практически идентичны, и различия между ними были количественными, но никак не качественными. Несколько отличалось хозяйство йомена У. Хоннивелла, который занимался еще и ростовщичеством и немало тратил на личные развлечения. Данные фермерские хозяйства были высокодоходными. Прослеживается интерес их владельцев к агрокультуре и агротехнике, хотя на практике агрономические новшества внедрялись медленно. Несмотря на сохранение феодальной собственности на землю, хозяйства функционировали уже во многом на капиталистической основе. Как фермеры-джентри, так и фермеры-йомены, используя наемный труд, получали значительную прибыль, постепенно сливаясь в единую экономическую категорию – категорию фермеров-предпринимателей.

---

¹¹⁵ Rural Economy in Yorkshire, p. 56.